

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

История международных отношений и внешней политики России: кандидатский экзамен — пробный вопрос

Один полный разбор из перечня вашего экзамена — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 66 вопросов перечня кафедры международных отношений и внешней политики России (МОиВП) для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.6.7 «История международных отношений и внешней политики», кафедра международных отношений и внешней политики России (МОиВП)

ПРОГРАММА

кандидатский экзамен по специальной дисциплине

Демо-пособие · 2026

Независимое издание. Подготовлено «Exambooster» самостоятельно, не является официальным изданием МГИМО МИД России, не одобрено и не согласовано университетом. Названия вуза и образовательных программ приведены исключительно для указания предмета подготовки.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
— КАНДИДАТСКИЙ ЭКЗАМЕН · ВОПРОС К39 · ДЕМО

Положения стратегий национальной безопасности РФ (2009, 2015, 2021 гг.) и Военных доктрин России (2010, 2014, 2023 гг.) о внешних угрозах и путях их отражения: сравнительный анализ

■ Стратегия НБ 2009 г. (Указ №537)

- угрозы обезличены: «рецидивы силовых подходов», ОМУ, зарождающееся информационное противоборство;
- неприемлемость продвижения инфраструктуры НАТО к границам РФ;
- пути отражения: G8/G20, РИК/БРИК, ОДКБ как «главный инструмент».

■ Стратегия НБ 2015 г. (Указ №683)

- рубеж — украинский кризис 2014 г.: угроза впервые персонифицирована — «политика сдерживания России» со стороны США и союзников;
- информационная безопасность выделена отдельным направлением.

■ Стратегия НБ 2021 г. (Указ №400, действует)

- «расшатывание норм международного права», нарастание напряжённости у границ РФ — предчувствие эскалации до 2022 г.;
- 8 нацинтересов и 9 стратегических приоритетов; информбезопасность — самостоятельный приоритет.

■ Военные доктрины 2010 и 2014 гг.

- 2010 г. (Медведев): формула применения ЯО почти как в 2000 г., но риторика мягче — исчезли слова о «неприемлемом ущербе»;

- 2014 г.: расширен перечень угроз (свержение власти у границ РФ, ИКТ в военно-политических целях), впервые «стратегическое ядерное и неядерное сдерживание».
- **«2023 г.» — уточнение, а не новый текст**
  - отдельной Военной доктрины 2023 г. не существует: формально действует редакция 2014 г.;
  - вместо неё — Указ №355 (2020) и сменивший его Указ №991 (19.11.2024) об основах ядерного сдерживания: условий стало 5, защита прямо распространена на Белоруссию;
  - повод — удары по РФ западными дальнобойными системами;
  - отдельно есть Военная доктрина Союзного государства (утв. 2021 г.) — не то же самое.
- **Общая логика сравнения**
  - угрозы от НАТО и ПРО — сквозная тема всех редакций, только конкретизируется;
  - растёт вес информационной безопасности;
  - пути отражения устойчивы: ОДКБ, ШОС, БРИКС, паритет по СНВ, ядерное сдерживание.

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Введение

Стратегия национальной безопасности и Военная доктрина — два разных, но связанных документа стратегического планирования России. Стратегия утверждается указом президента, охватывает все виды безопасности (военную, экономическую, информационную, экологическую и др.) и задаёт национальные интересы и приоритеты на длительный срок. Военная доктрина — более узкий документ, сосредоточенный на военно-политических и военно-технических аспектах обороны: она описывает военные опасности и угрозы, условия применения вооружённых сил и ядерного оружия. За период с 2009 по 2021 г. Стратегия переиздавалась трижды (2009, 2015, 2021), Военная доктрина в этот же период — дважды (2010, 2014); действующая редакция доктрины 2014 г. с тех пор не заменялась целиком, но дополнялась специальными актами о ядерном сдерживании. Сравнение редакций показывает не разрозненные документы, а последовательную запись меняющегося восприятия угроз: от осторожного оптимизма конца 2000-х годов до прямой конфронтации середины 2020-х.

■ Стратегия национальной безопасности 2009 года: многовекторность и первые тревожные сигналы

Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года, утверждённая указом президента Д.А. Медведева от 12 мая 2009 г. № 537, стала первым документом такого рода — до неё действовала Концепция национальной безопасности 1997/2000 гг. Раздел о состоянии страны фиксировал, что Россия преодолела

последствия системного кризиса конца XX века и формирует предпосылки для превращения в одну из ведущих мировых держав; риторика документа в целом умеренно оптимистична и ориентирована на переход от блокового противостояния к многовекторной дипломатии. Среди внешних угроз названы рецидивы односторонних силовых подходов в международных отношениях, распространение оружия массового уничтожения и риск его попадания к террористам, зарождающееся глобальное информационное противоборство, развитие высокоточных и информационных вооружений у ведущих зарубежных стран. Отдельно указана неприемлемость дальнейшего продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам России и наделения альянса глобальными функциями — формулировка, которая с этого момента почти без изменений переходит из редакции в редакцию. Пути отражения угроз строятся вокруг многосторонних форматов — «Группы восьми/двадцати», формата РИК (Россия – Индия – Китай), зарождавшегося БРИК, а также ОДКБ как «главного межгосударственного инструмента» обеспечения безопасности на постсоветском пространстве. В сфере стратегической стабильности документ ставит задачу сохранения паритета по стратегическим наступательным вооружениям с США в условиях развёртывания глобальной противоракетной обороны и концепции «глобального молниеносного удара» — обе темы станут постоянными раздражителями во всех последующих редакциях.

■ Стратегия национальной безопасности 2015 года: явное указание на противника

Указ президента В.В. Путина от 31 декабря 2015 г. № 683 заменил Стратегию 2009 г. новой редакцией — рубежом стал украинский кризис 2014 г. и последовавшее резкое ухудшение отношений с Западом. Принципиальное отличие от предыдущей редакции — прямое указание источника угрозы: «проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить своё доминирование в мировых делах», а реализуемая ими «политика сдерживания России» описывается как оказание политического, экономического, военного и информационного давления. Такая персонификация угрозы отсутствовала в редакции 2009 г., где формулировки были обезличенными («рецидивы силовых подходов»). Второе новшество — выделение информационной безопасности в самостоятельное направление: документ фиксирует «усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве», связанное со стремлением ряда стран использовать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) для достижения геополитических целей, включая манипулирование общественным сознанием и фальсификацию истории, а также угрозы устойчивости критической информационной инфраструктуры. Структура национальной безопасности в редакции 2015 г. становится шире и детальнее: помимо государственной и общественной впервые системно прописаны информационная, экологическая, экономическая, транспортная и энергетическая безопасность как её составные части.

■ **Стратегия национальной безопасности 2021 года: действующая редакция**

Указ президента от 2 июля 2021 г. № 400 признал утратившей силу редакцию 2015 г. и ввёл в действие текст, который остаётся актуальным по состоянию на август 2026 г. — новых указов о полной замене Стратегии за прошедшее время не издавалось. Определение угрозы национальной безопасности формулируется как «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации». Среди внешних угроз названы расшатывание сложившихся норм и институтов международного права, демонтаж системы контроля над вооружениями и нарастание напряжённости вблизи государственной границы России — формулировка, отражающая предчувствие эскалации ещё до начала специальной военной операции в 2022 г. Раздел «Оборона страны» отдельно фиксирует угрозы наращивания военной инфраструктуры НАТО у границ, развёртывания систем противоракетной обороны США и появления ракет средней и меньшей дальности после выхода США из соответствующего договора в 2019 г.; в числе задач — поддержание на достаточном уровне потенциала ядерного сдерживания. Пути отражения угроз формализованы через восемь национальных интересов (п. 25 Стратегии) и девять стратегических приоритетов (п. 26) — структура, которой не было в редакциях 2009 и 2015 гг., прежде описывавших приоритеты менее систематично. Национальными интересами названы: сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; защита конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, укрепление обороны страны; поддержание гражданского мира и согласия, искоренение коррупции; развитие безопасного информационного пространства; устойчивое развитие экономики на новой технологической основе; охрана окружающей среды и адаптация к изменению климата; укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей и исторической памяти; поддержание стратегической стабильности и правовых основ международных отношений. Стратегическими приоритетами, за счёт которых эти интересы обеспечиваются, названы: сбережение народа и развитие человеческого потенциала; оборона страны; государственная и общественная безопасность; информационная безопасность; экономическая безопасность; научно-технологическое развитие; экологическая безопасность и рациональное природопользование; защита традиционных ценностей, культуры и исторической памяти; стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество. Отдельного упоминания заслуживает информационная безопасность: редакция 2021 г. впервые называет её самостоятельным стратегическим приоритетом, а не частью более широкой рубрики, как в 2015 г.

■ **Военные доктрины 2010 и 2014 годов: от смягчения к расширению перечня угроз**

Военная доктрина, утверждённая президентом Д.А. Медведевым 5 февраля 2010 г., пришла на смену доктрине 2000 г. и по формуле применения ядерного

оружия почти дословно её повторила: право на ответ ядерным оружием на применение против России или её союзников оружия массового поражения, а также на агрессию обычным оружием, ставящую под угрозу само существование государства. При этом риторика доктрины 2010 г. заметно мягче: из текста исчезли формулировки о «неприемлемом ущербе» и «гарантированном уничтожении агрессора», характерные для доктрины 2000 г., а задача сформулирована как «поддержание стратегической стабильности». Перечень основных внешних военных опасностей из одиннадцати пунктов возглавляет стремление придать силовому потенциалу НАТО глобальные функции и приблизить военную инфраструктуру блока к границам России, далее следуют дестабилизация обстановки в сопредельных государствах, развёртывание систем стратегической противоракетной обороны и милитаризация космоса, территориальные претензии к России и её союзникам, распространение оружия массового уничтожения. Одновременно с публичной доктриной был утверждён закрытый документ «Основы государственной политики в области ядерного сдерживания до 2020 года», что институционально развело открытую доктрину (общие принципы) и закрытый акт (детальные условия применения ядерного оружия) — практика, продолженная в 2020 и 2024 гг.

Военная доктрина 2014 г., принятая на фоне присоединения Крыма и вооружённого конфликта на востоке Украины, сохранила прежнюю формулу применения ядерного оружия неизменной, но существенно расширила перечень угроз и добавила новые понятия. Впервые в задачи Вооружённых сил в мирное время включено «стратегическое (ядерное и неядерное) сдерживание» — неядерные средства (высокоточное оружие, системы ПВО и ПРО) официально признаны частью единого контура сдерживания. В перечень из четырнадцати внешних военных опасностей добавились установление у границ России режимов, пришедших к власти в результате свержения легитимной власти, и использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях против суверенитета и территориальной целостности государств — прямая реакция на события «арабской весны» и на роль социальных сетей в украинских протестах. Пути отражения угроз доктрина связывает не только с ядерным сдерживанием, но и с расширением круга партнёров — БРИКС, ОДКБ, СНГ, ШОС, — а также сохраняет формальную готовность к диалогу с НАТО и к созданию совместных систем противоракетной обороны «с равноправным российским участием», формулировка, утратившая практическое значение уже к середине 2010-х годов.

■ Третья редакция военной доктрины: актуализация вместо формальной замены

Формулировка билета называет третьей вехой сравнения «Военную доктрину 2023 года», однако проверка действующего законодательства показывает, что отдельного документа с таким названием не существует: Военная доктрина России в полном объёме не переиздавалась после 2014 г., и по состоянию на август 2026 г. формально продолжает действовать редакция 2014 года. То, что фактически заменило собой предполагаемую «третью доктрину», — серия

специальных актов о ядерном сдерживании, которые де-факто актуализировали доктрину, не меняя основного текста. Указом президента № 355 от 2 июня 2020 г. впервые были открыто опубликованы «Основы государственной политики в области ядерного сдерживания» с четырьмя условиями перехода к применению ядерного оружия. Указом № 991 от 19 ноября 2024 г. эта редакция была заменена новой — поводом послужило разрешение западных стран Украине применять по территории России дальнобойные ракетные системы. Число условий выросло до пяти, а ядерная защита впервые прямо распространена на Белоруссию как участника Союзного государства: агрессия обычным оружием, создающая критическую угрозу суверенитету или территориальной целостности России и (или) Белоруссии, теперь названа основанием для применения ядерного оружия. Расширен и перечень военных опасностей — включены массированный пуск средств воздушно-космического нападения и развитие ударных беспилотных летательных аппаратов, тем самым продолживших логику доктрины 2014 г. на новом витке технологий. Часть экспертов, включая А.Г. Арбатова, оценивает поправки как уточнение уже существовавших концепций, а не как принципиально новую доктрину; другие аналитики называют произошедшее снижением порога применения ядерного оружия — единой позиции среди специалистов нет, и формулировка остаётся предметом дискуссии, а не установленным фактом. Официального заявления о начале работы над полностью новой редакцией Военной доктрины после начала специальной военной операции по состоянию на август 2026 г. не публиковалось: в экспертной среде такое обновление обсуждается как желательное (в частности, в печати в начале 2026 г.), но подтверждённого решения о пересмотре текста 2014 г. в целом нет — актуализация по-прежнему идёт через точечные акты, а не через новую доктрину. Отдельно от национальной Военной доктрины России существует Военная доктрина Союзного государства (России и Белоруссии) — самостоятельный документ, утверждённый постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 5 взамен редакции 2001 г.; она регулирует совместную военную безопасность двух стран и не является той «доктриной 2023 года», о которой говорит формулировка билета.

■ Сравнительный анализ: общая логика эволюции

При сопоставлении шести редакций (три Стратегии, две полные Военные доктрины и линия специальных ядерных актов, фактически заменившая третью доктрину) прослеживаются три устойчивые линии изменений. Во-первых, расширение и конкретизация угроз со стороны НАТО: от общей формулы «неприемлемости продвижения инфраструктуры» в 2009 г. до прямого указания на «наделение НАТО глобальными функциями» в 2010-2014 гг. и распространения ядерной защиты на союзное государство в 2024 г. Во-вторых, растущее место информационной безопасности — от единичного упоминания «глобального информационного противоборства» в 2009 г. до самостоятельного стратегического приоритета в 2021 г. и отдельного пункта о военно-политическом использовании ИКТ в доктрине 2014 г. В-третьих, персонификация угрозы: обезличенные формулировки 2009 г. («рецидивы

силовых подходов») уступают место прямому указанию на «политику сдерживания России» со стороны США и союзников уже в редакции 2015 г. и сохраняются в редакции 2021 г. При этом пути отражения угроз остаются внутренне устойчивыми во всех редакциях: многосторонние форматы (ОДКБ, ШОС, БРИКС), поддержание стратегического паритета по СНВ и ядерное сдерживание как последний довод — эти элементы не менялись принципиально с 2009 по 2024 г., менялся лишь набор непосредственных раздражителей, реагировать на которые эти инструменты призваны.

■ Итоги и значение

Сравнение редакций Стратегии национальной безопасности и Военной доктрины России показывает не набор изолированных документов, а последовательную хронику меняющегося восприятия угроз на фоне ухудшения отношений с Западом. Стратегия 2009 г. фиксировала многовекторную, умеренно оптимистичную повестку; редакция 2015 г. персонифицировала угрозу как «политику сдерживания» со стороны США после украинского кризиса; действующая редакция 2021 г. предчувствовала эскалацию у границ России ещё до 2022 г. и институционально закрепила информационную безопасность как самостоятельный приоритет. Военная доктрина прошла путь от смягчённых формулировок 2010 г. до расширенного перечня опасностей 2014 г. и далее — не через формальную третью редакцию, а через последовательность специальных ядерных актов 2020 и 2024 гг., которые сузили порог применения ядерного оружия и впервые прямо распространили ядерную защиту на союзное государство. Понимание этой эволюции важно не только для истории документов: она объясняет логику принятия конкретных военно-политических решений России в 2020-е годы как продолжение, а не разрыв с предыдущими редакциями — каждое расширение условий применения силы фиксировало уже состоявшийся сдвиг в военно-политической обстановке, а не задавало его заранее.

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «История международных отношений и внешней политики России: кандидатский экзамен» — 66 вопросов перечня кафедры международных отношений и внешней политики России (МОиВП) для испытания «кандидатский экзамен по специальной дисциплине» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

**Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.**

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.